

Автор:
Му Муйму

HR = ДЕТЕКТИВ

Дело о китайском
эксперте

Ми ТуйЛи

**HR-детектив: Дело о
китайском эксперте**

«Автор»

2026

ТуйЛи М.

HR-детектив: Дело о китайском эксперте / М. ТуйЛи — «Автор»,
2026

Иван — HR-специалист, который умеет читать людей между строк. Но новое назначение оборачивается кошмаром: за две недели найти уникального китайского эксперта для контракта на миллионы или вылететь с работы. Два топовых кандидата исчезают. Один попадает в аварию, второй молчит. Параллельно Ивану приходится бороться за жизнь отца, которому врачи вынесли страшный вердикт. То, что начиналось как подбор персонала, стремительно обрастает отравлениями, шпионскими вирусами и схемами по отмыванию миллионов юаней. Поездки по китайским мегаполисам, изнуряющие переговоры и поиск предателя в собственном офисе сливаются в один тугой узел. Иван учится отличать правду от искусного спуфинга, а союзников — от тех, кто плетет сеть прямо у него за спиной. Но главная ловушка еще не раскрыта. Ведь в мире большого бизнеса самое опасное оружие — не яд, а доверие. И иногда его подают в красивой обертке к чашке утреннего кофе...

© ТуйЛи М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	27

Ми ТуйЛи

HR-детектив: Дело о китайском эксперте

Глава 1

ГЛАВА 1

Иван потянулся в кровати. Открыв правый глаз, он увидел упитанную мордочку Багратиона — роскошного, холеного кота. Тот, не мигая, смотрел на хозяина, словно вопрошая: «Сколько ещё можно морить голодом?»

— Встаю, — Иван нащупал ногами тапки и, даже не умывшись, пошёл вслед за бежавшим трусцой пушистым тираном. — Как в тебя столько влезает?

Он поцокал языком, оценивая время, за которое миска с кормом полностью опустела.

Кот, облизнувшись, обернулся. В хитрых глазах питомца читалась фраза из рекламы: «А ты насыпь и отойди!»

Иван, подтянутый двадцатипятилетний парень, с неохотой посмотрел на гантели в углу. «Может, сегодня без зарядки?» — малодушно подумал он. Недосып последних дней напрочь отбил спортивный настрой. Иван работал ведущим специалистом HR-отдела крупной компании, и сейчас наступило горячее время: компания выходила на международный уровень, срочно требовался эксперт для работы в Китае.

В проёме двери неспешно показался Багратион. Покатые бока любимца напомнили, к чему приводит лень, и заставили молодого человека пересмотреть решение.

Иван покрутил гантель. Холодный шершавый металл. Расслабляться рано. В голове всё ещё гудел вчерашний созвон с китайским рекрутинговым агентством: ночные звонки из-за разницы во времени изматывали, а дедлайны только множились. Он мельком взглянул на Багратиона — тот уже устроился на подоконнике и смотрел на Ивана с видом мудрого, но снисходительного судьи.

— Ладно, ладно, не смотри так, будто у меня уже бока нависают над ремнём, — буркнул Иван, делая первый подход. Пот тут же выступил на висках, но вместе с ним пришло привычное ощущение: тело просыпается, мысли выстраиваются в ровные ряды, как кандидаты в аккуратно рассортированной базе резюме. Ещё пять минут — и он снова станет тем самым Иваном, который закрывает сложные вакансии, ведёт переговоры и не теряется, даже когда часы показывают три ночи, а собеседник на другом конце планеты только садится за стол.

Багратион фыркнул, точно хотел сказать: «Вот теперь я тебя уважаю», — и потянулся, выгибая спину дугой. Иван усмехнулся, поставил гантели на место и, уже бодрее, направился в душ. День обещал быть непростым, но теперь он чувствовал, что готов.

Дорога до офиса пролетела незаметно. Уже через час Иван сидел за рабочим столом. Его ждал ворох резюме, несколько собеседований — плотное расписание не оставляло пространства для манёвра.

— Василий Игнатьевич, — докладывал Иван, заходя в кабинет, — оба кандидата подтвердили время для финального собеседования с Сергеем Павловичем. Ван Цай на десять, Ли Мин на двенадцать.

— Отлично, — устало вздохнул руководитель HR-отдела. — Пора закрывать эту вакансию. Завтра окончательно определимся с экспертом.

Василий Игнатьевич только вчера вернулся из Китая. Важный этап — личные встречи — он всегда проводил сам. Измождённый вид мужчины говорил о том, что поездка далась нелегко. Острая пища, которую он терпеть не мог, оказалась традиционной для южных провинций, где, как назло, и проходили переговоры.

Иван машинально коснулся кармана, словно хотел приглушить вибрацию одним усилием воли, но телефон не унимался — настойчиво, резко, сигналил о чём-то срочном. Он покосился на Василия Игнатьевича, извиняясь за внезапный шум посреди важного разговора.

— Простите, секунду, — пробормотал он, вынимая телефон. На экране высветилось: «Ван Цай — пропущенный вызов». Иван нахмурился, быстро нажал «перезвонить».

— Ван Цай? — переспросил Василий Игнатьевич, подавшись вперёд. — Что-то не так?

Иван прижал телефон к уху, слушая длинные гудки, и помотал головой:

— Пока не знаю... — И тут в трубке раздался голос.

— Иван, добрый день, — голос Ван Цая звучал непривычно сдержанно, даже чуть напряжённо. — Прости, что звоню без предупреждения. У меня... небольшая проблема. Завтра я прибываю в Гуанчжоу. Нужно сразу ехать на завод, чтобы проверить качество оборудования перед отгрузкой. Это последняя партия по контракту, которую мне необходимо проинспектировать лично. Проверка займёт минимум три часа, к тому же на заводе плохая связь. Я физически не успею на собеседование в десять утра по Москве.

Иван прикрыл ладонью свободное ухо, отсекая шум офиса, и быстро прикинул: перенос на час, на два? Но следом всплыла другая мысль — а что насчёт Ли Мина в двенадцать? И главное — Сергей Павлович, у которого после обеда запланирована встреча с инвесторами.

— Понимаю, — ровно ответил Иван, хотя внутри всё сжалось от надвигающегося цейтнота. — Расскажите подробнее. На сколько примерно задержка?

Ван Цай коротко объяснил: партия оборудования включала два средних реактора, проверка займёт минимум три часа, а то и больше. Иван бросил взгляд на Василия Игнатьевича — тот уже достал ежедневник и постукивал карандашом по странице, словно пытаясь ускорить ход мыслей.

— Хорошо, Ван Цай, спасибо, что предупредили, — твёрдо сказал Иван. — Сейчас всё решим. Оставайтесь на связи.

Он завершил звонок и выдохнул.

— Инспекция партии, — коротко доложил он руководителю. — Минимум на три часа, плюс проблемы со связью на заводе.

Василий Игнатьевич нахмурился, провёл ладонью по лицу, стряхивая усталость, и тихо выругался про себя — так, что Иван едва расслышал. Потом резко открыл ежедневник, пролистал несколько страниц, постучал карандашом по дате.

— Значит, так, — произнёс он уже собранным тоном. — Ли Мина оставляем на двенадцать — он подтвердил. А с Ван Цаем... Надо предложить ему онлайн-встречу с Сергеем Павловичем на четырнадцать. У директора после обеда окно в это время.

Иван кивнул, открывая календарь Сергея Павловича и параллельно составляя письмо его ассистенту.

— Я сейчас всё согласую, — проговорил он. — И напишу Ван Цаю, предложу на четырнадцать. Если Сергей Павлович одобрит, проведём оба собеседования завтра.

Василий Игнатьевич чуть расслабил плечи, и впервые за утро его лицо стало не таким измождённым.

— Вот и хорошо, — тихо сказал он. — Не люблю переносить финальные этапы. Чем быстрее закроем эту вакансию, тем спокойнее будет всем. Особенно Сергею Павловичу.

Иван уже печатал сообщение, чувствуя, как привычная рабочая собранность вытесняет остатки утренней сонливости. День только начинался, но уже нёс в себе столько поворотов, что гантели и недосып казались чем-то далёким и почти несущественным.

Едва успев согласовать новое время онлайн-собеседования, Иван откинулся на спинку кресла, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает плечи. В этот момент телефон в кармане задрожал резкой вибрацией — точно кто-то специально выбрал самую тихую секунду, чтобы ворваться в тишину.

— Мама, привет. Что-то случилось? — голос сам собой стал тише, словно он уже предчувствовал недоброе.

В трубке слышались сдавленные рыдания. Мама пыталась собрать слова, но они рассыпались, не складываясь во фразы. Сквозь всхлипы пробилося самое страшное:

— Твоему отцу поставили страшный диагноз...

— Мама, какой диагноз? — Иван подался вперёд, будто это движение могло помочь слышать хоть что-то сквозь слёзы.

— Саркому. У него саркома... — голос матери сорвался в беззвучный плач, и на секунду в трубке повисла тишина, в которой слышалось только её прерывистое дыхание.

Иван сжал телефон.

— Это пока только подозрение, мама. Мы всё проверим, — он говорил ровно, по слогам. Опора. Прямо сейчас. — Я уже ищу клинику.

Пока мама, всхлипывая, пыталась рассказать про месяцы боли, про то, как отец всё отмалчивался — мол, просто потянул ногу, — Иван одной рукой листал вкладки в браузере, другой делал заметки. Он уже знал, что нельзя терять ни минуты: нужны второе мнение, КТ, консультация онколога. Слово «саркома», которое сначала прозвучало как приговор, теперь превращалось в задачу — страшную, но решаемую.

Он нашёл клинику «Здрава» — по отзывам, там работали одни из лучших специалистов по опухолям костей. Не раздумывая, оформил запись на следующее утро. Потом, не давая себе времени на сомнения, купил отцу билет на поезд № 031 — отправление в 20:30, третий вагон.

Завершив звонок, Иван на секунду замер, пытаясь уложить в голове всё, что только что произошло. И тут почувствовал на плече тяжёлую, тёплую руку. Василий Игнатьевич стоял рядом — молчаливый, но в этом молчании было больше поддержки, чем в любых утешениях.

— Справимся без тебя, занимайся отцом, — тихо, но твёрдо сказал руководитель. — Сейчас твоя главная задача — быть с семьёй.

Иван поднял глаза — в них была немая благодарность. Он коротко кивнул, подхватил сумку и вышел из кабинета. В лифте он уже снова говорил по телефону, чётко объясняя родителям, что взять с собой и какие документы подготовить.

— Всё записали? Отлично. Я жду отца завтра утром. Вместе мы справимся, — добавил он уже мягче, и в этих словах было не пустое обещание, а твёрдое намерение.

Ещё до полной остановки поезда Иван увидел в окне отца. Пока они не виделись, Василий Петрович заметно сдал: стиснутые челюсти выдавали, что приступы боли стали частыми, а потускневшие глаза говорили о внутреннем смирении с неизбежным.

— Привет, пап! — Иван улыбнулся, принимая от отца тяжёлую сумку. Мужчина хромал, спускаясь на перрон. Он крепко пожал руку сыну — взрослому и сильному.

— Держишь форму, молодец, — констатировал Василий Петрович, морщась, когда переносил вес на больную ногу.

— Конечно, — Иван бережно подвёл отца к заказанному такси, помогая сесть на заднее сиденье. — Багратион пристально следит за моим спортивным режимом.

— Это тот жирный кот на фотографии? — слабо рассмеялся мужчина.

— Он не толстый, — сам не веря своим словам, отшутился Иван, — просто пушистый.

Напряжение последних дней на мгновение спало. Отец с сыном оживлённо делились новостями, глядя в окно такси, хотя повод поездки заставлял сердце Ивана замирать от страха.

Такси остановилось у клиники «Здрава». Пятиэтажное белоснежное здание, стерильная чистота холла немного обескуражили пожилого человека.

— Как же тут чисто. Наверное, дорого, — прошептал он.

— Пап, это специализированный центр. Здесь мы узнаем точный диагноз. О деньгах не думай. — Иван уверенно провёл отца к стойке регистратуры, а затем в кабинет к лечащему врачу.

Степан Эдуардович, хирург-онколог, встретил их не с дежурной формальностью, а с той особой внимательностью, которая сразу даёт понять: перед тобой человек, привыкший держать в руках не только скальпель, но и чужие страхи. Он вежливо улыбнулся — не широко, но искренне — и жестом пригласил Василия Петровича присесть.

— Расскажите подробнее про боль, — попросил он, не заглядывая сразу в бумаги, точно хотел сначала услышать живого человека, а не историю болезни.

Василий Петрович, поначалу сбивчиво, потом всё увереннее, описал, как всё началось: сначала просто ныла пятка, потом стало больно наступать, потом боль перестала уходить даже ночью. Степан Эдуардович кивал, задавал короткие уточняющие вопросы, делал пометки в карте — и делал это так спокойно, что напряжение, копившееся в груди Василия Петровича месяцами, понемногу начинало таять.

— Теперь нам нужно собрать точную картину, — сказал врач, отложив ручку. — Вам предстоит сдать ряд анализов и пройти МРТ. Некоторые процедуры могут быть неприятными, но мы всё организуем так, чтобы вы не оставались наедине с дискомфортом. Рекомендую остаться в клинике под присмотром медперсонала: так мы сможем оперативно реагировать на любые изменения. Экспресс-анализы будут готовы завтра утром, а снимки обсудим после обеда. Тогда же скорректируем план действий — уже на основании чёткой картины, а не предположений.

Голос у него был ровный, без излишней мягкости, но и без холодной отстранённости — именно такой, какой нужен, когда речь идёт о самом важном.

Василий Петрович кивнул. В этом кивке было не столько согласие, сколько облегчение: наконец-то кто-то взял ответственность на себя, расписал шаги, обозначил сроки. В его глазах, ещё недавно потухших от тревоги, мелькнула маленькая, но настоящая искорка надежды.

Иван, стоявший чуть позади, выдохнул так тихо, что, кажется, никто не услышал. Он не стал говорить банальных слов вроде «всё будет хорошо» — сейчас важнее было просто быть рядом.

— Ну вот, видишь, — негромко сказал он, когда они вышли из кабинета и направились к палате. — Всё по плану. Сейчас точно переживать не нужно.

Он помог отцу донести сумку, аккуратно расставил вещи в уютной одноместной палате: стакан на тумбочку, тапочки у кровати, плед — так, чтобы всё было под рукой. Василий Петрович сел на край кровати, огляделся, привыкая к новому месту, и вдруг слабо улыбнулся:

— Тут спокойно. И доктор... такой, знаешь, будто всё под контролем.

— Под контролем, — твёрдо повторил Иван, присаживаясь на стул рядом. — Завтра утром будут анализы, после обеда — разговор с врачом. А дальше — по шагам. Мы ничего не пропустим.

И в этот момент он впервые по-настоящему поверил, что они справятся.

Телефон Василия Петровича коротко завибрировал, высветив на экране уведомление о новом сообщении. Отец вздохнул, пробежал глазами по тексту и виновато покосился на Ивана:

— Маше-то я так и не позвонил... Всё из головы вылетело.

Иван тут же набрал мамин номер и поднёс телефон к уху.

— Мам, привет! У нас всё хорошо, — сразу заговорил он, стараясь вложить в голос максимум спокойствия. — Папа уже в клинике, всё по плану. Врач отличный, всё подробно объяснил, палату дали уютную.

В трубке на секунду повисла тишина — мама словно задержала дыхание, а потом выдохнула — и этот выдох прозвучал как маленький праздник:

— Слава богу... А я тут вся извелась, каждые пять минут на часы смотрела.

Иван передал телефон отцу. Василий Петрович прижал его к уху, и лицо сразу разгладилось, стало мягче. Он заговорил быстро, оживлённо, словно хотел за один разговор передать жене всё, что успел заметить: про светлые стены палаты, про аккуратные тумбочки, про то, как

уверенно и спокойно говорил доктор. И главное — про то, что никто не торопит, не пугает, а просто делает свою работу.

Разговор прервал лёгкий стук в приоткрытую дверь. В палату заглянула молодая медсестра — улыбка у неё была не дежурная, а живая и тёплая.

— Василий Петрович, пора на первые процедуры, — мягко сказала она. — Я вас провожу, тут недалеко.

Отец кивнул, встал, поправил халат, точно хотел выглядеть достойно даже в этой ситуации. Иван хотел было пойти следом, но медсестра мягко, однако уверенно остановила его взглядом:

— Вы пока можете остаться здесь. Мы всё сделаем аккуратно, я лично прослежу.

Он остался в палате, сел на стул у окна и смотрел, как отец уходит по коридору рядом с медсестрой. В груди всё ещё щемило от тревоги, но теперь это была не паника — скорее напряжённое ожидание, когда сделал всё, что мог, и остаётся только ждать результатов.

До самого вечера Иван не отходил от отца. К обеду они спустились в тихое больничное кафе — небольшое, с большими окнами, где пахло свежим хлебом и крепким чаем. Василий Петрович сел у окна, уставился на улицу, где люди спешили по своим делам, словно ничего особенного не происходило. Взгляд у него был тяжёлый — казалось, он пытался удержать в себе все те мысли, которые сейчас лучше было не произносить вслух.

Иван видел это и решил отвлечь отца — не грубо, ненавязчиво, а так, чтобы в памяти всплыло что-то хорошее, привычное.

— Пап, а знаешь, как я недавно того маркетолога-звезду переманил? — начал он быстро, но не суетливо, а будто просто вспомнил забавную историю. — Сажу в кафе, никого не трогаю, а за соседним столиком — солидный мужчина, костюм, взгляд такой, будто весь мир ему что-то должен. И вдруг меня как током ударило: я его точно где-то видел. Это был Роман Вадимович — тот самый, за которым все охотились. А он ни в какую: «У меня всё расписано на год вперёд».

Василий Петрович чуть повернул голову, в глазах мелькнуло любопытство.

— Ну, я не стал лезть напролом, — продолжил Иван. — Сначала навёл справки. Оказалось, у него странное, но очень конкретное хобби — реставрация старых фотоаппаратов. Он мог часами сидеть, разбирать механику, искать крошечную неисправность, которая не давала аппарату работать.

— Странное увлечение, — хмыкнул отец.

— Да, но именно оно мне и помогло. Я подошёл к нему и сходу сказал: мол, видел его на форуме "Клуб Foto.ru", и у меня как раз есть для него "Зенит-Е" — советский плёночный фотоаппарат, почти в идеальном состоянии. Ты бы видел, как у него глаза загорелись! Мы проговорили полчаса, и он согласился прийти на собеседование. Сейчас он как раз ведёт запуск нового оборудования у нас.

Василий Петрович слушал, не перебивая, а потом вдруг улыбнулся — не широко, но искренне. Он протянул руку и крепко, по-отцовски, похлопал Ивана по плечу:

— Хитро. Молодец. Вот это я понимаю — не просто вакансии закрывать, а людей чувствовать.

Иван улыбнулся в ответ, и в этот момент ему показалось, что даже стены больницы стали чуть светлее. Пусть впереди ещё много шагов, анализов, разговоров с врачами — но прямо сейчас у них есть эта маленькая, но важная опора: они не одни, и даже в самой непростой ситуации можно найти правильный ход.

— Уже поздно, — Василий Петрович посмотрел на часы. — Целый день со мной возишься. Завтра тебе на работу. Иди-ка домой, выпись.

Мужчины тепло простились, и Иван вышел из клиники в ступившуюся тьму города.

Он включил телефон, который весь день был на беззвучном режиме. Экран вспыхнул, и Иван ошеломлённо прочитал сообщение от Василия Игнатьевича: «Иван, у нас проблемы. Кандидаты не выходят на связь. Ни Ван Цай, ни Ли Мин».

Глава 2

ГЛАВА 2

На следующее утро Иван вошёл в офис первым — в коридоре ещё пахло свежей уборкой, а из приоткрытой двери переговорной тянуло прохладой кондиционера. В кабинете было тихо, только едва слышно гудел сервер в углу. Он щёлкнул выключателем, сел за стол, привычным движением подвинул клавиатуру и включил компьютер.

Казалось, всё как всегда: те же папки на рабочем столе, тот же календарь с плотными пометками, та же чашка с выцветшим логотипом компании, которую он так и не удосужился заменить. Но что-то неуловимо изменилось. Воздух стал плотнее, в самой тишине чувствовалось напряжение, словно офис уже знал то, чего ещё не знал Иван.

Он открыл почту, потом мессенджер — и тут же наткнулся на тишину там, где её быть не должно. Ли Мин и Ван Цай не отвечали уже сутки. Иван проверил: письма прочитаны, сообщения отмечены как доставленные, но реакции нет. Он перечитал переписку, сверил даты, заглянул в CRM — ничего нового. Ни отмены, ни переноса, ни даже короткого «задержусь».

Потом посыпались уведомления: напоминания о собеседованиях, запросы на проверку документов, согласования графиков, письма от рекрутинговых агентств. Рутинная нагрузка накрыла его тяжёлым одеялом — не спасала, а только мешала двигаться. Он погрузился в эту текучку: отвечал на письма, переносил встречи, заполнял отчёты, ставил галочки напротив выполненных задач. Время текло странно — одновременно медленно и стремительно: стрелки часов ползли, а день сжимался, точно пружина.

Иван так глубоко ушёл в рутину, что не сразу заметил: кресло Василия Игнатьевича по-прежнему пусто, на столе — ни папки, ни чашки, ни даже забытой ручки. Пространство выцвело, потеряло привычный тёплый оттенок, который всегда придавал кабинету присутствие руководителя.

Рядом, за соседними столами, сидели Михаил и Ольга — стажёры. Обычно в это время они тихонько перешёптывались, спорили над шаблонами вакансий или просили Ивана проверить формулировку письма. Сегодня же они сидели неестественно молчаливо, точно боялись лишний раз шевельнуться. Их взгляды то и дело скользили по пустующему месту Василия Игнатьевича, а потом резко отскакивали, словно от чего-то опасного. В их молчании чувствовалась не сосредоточенность, а затаённый испуг — точно они случайно оказались на чужой, слишком серьёзной территории.

Иван хотел было окликнуть их, спросить, в чём дело, но тут телефон на столе коротко зазвонил, а следом завибрировал. Он машинально поднёс трубку к уху, ещё продолжая печатать ответ на письмо рекрутинговому агентству.

— Иван Васильевич, — прозвучал в трубке голос Зои, личного помощника директора. Тот самый ровный, безупречно спокойный тон, от которого у большинства сотрудников по спине пробегал холодок. — Вас срочно вызывает Сергей Павлович.

— Да, сейчас подойду, — быстро ответил Иван, щёлкнув мышкой, чтобы сохранить документ.

Он на секунду задержал взгляд на экране, потом поднял глаза и вдруг улыбнулся — не ситуации, конечно, а собственному воспоминанию. Пару месяцев назад Зоя выглядела совсем иначе: пряталась за высокими мониторами, вздрагивала от каждого громкого голоса в коридоре и смотрела на всех большими испуганными глазами, точно боялась, что вот-вот сделают замечание за лишнюю запятую. Тогда Иван старался её подбодрить: показывал, где лежат шаблоны, подсказывал, как быстрее выгрузить отчёт, и каждый раз напоминал, что никто не ждёт от неё идеальности с первого дня. Ему это было несложно — он слишком хорошо помнил,

каково это: стоять посреди офиса и чувствовать себя одним из многих в огромном, непонятном механизме.

Теперь она говорила так, точно проработала здесь лет десять: ни дрожи в голосе, ни лишних слов, только чёткие формулировки и абсолютная уверенность. И от этого спокойного «срочно вызывает» становилось только тревожнее — потому что, когда Зоя так собрана, значит, дело действительно серьёзное.

Иван закрыл вкладку с письмами, на секунду замер, прислушиваясь к тишине в кабинете. Михаил и Ольга снова переглянулись — на этот раз в их взглядах мелькнуло что-то вроде сочувствия. Иван едва заметно кивнул, словно говоря: «Всё в порядке», хотя сам вовсе не был в этом уверен, и вышел из кабинета.

Коридор казался длиннее обычного, а каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Он уже почти дошёл до двери приёмной, когда краем глаза заметил на доске объявлений короткий листок: «Василий Игнатьевич покидает компанию по собственному желанию». Вот оно — то самое неуловимое изменение, которое витало в воздухе, но до сих пор не обретало формы. Теперь всё вставало на свои места: пустое кресло, испуганные стажёры, напряжённая тишина в отделе.

Иван глубоко вдохнул, расправил плечи и постучал в дверь кабинета Сергея Павловича.

— Сергей Павлович, войду? — Иван чуть приоткрыл дверь, точно боялся нарушить ту тяжёлую тишину, что висела в кабинете, словно плотный занавес.

— Да, Иван, входи, — не поднимая глаз сразу, отозвался директор, а потом всё же ото-рвался от бумаг и тяжело вздохнул. В этом вздохе было не раздражение, а усталость человека, которому приходится принимать решения, от которых зависит слишком многое.

Иван шагнул внутрь. Кабинет был небольшим, но удивительно светлым — большие окна, минимум мебели, ни одной случайной детали. Всё здесь было подчинено логике и скорости: стол — как командный пункт, стеллаж — с папками, разложенными по чётким меткам, на стене — лаконичная схема бизнес-процессов, где каждая стрелка вела к результату. Пространство говорило: здесь не тратят время на лишнее. И те, кто проработал в компании хотя бы полгода, знали: в этом кабинете говорят мало и только по делу.

Пока Иван усаживался, Сергей Павлович снял очки, аккуратно положил их на стол и откинулся в кресле, на мгновение прикрыв глаза. Было видно, что он не просто устал — что-то серьёзно выбило его из привычной колеи, и сейчас он собирал силы, чтобы сделать следующий ход. В этой короткой паузе чувствовалась тяжесть ответственности, которую он собирался переложить — или разделить — с другим человеком.

— Вот приказ о твоём назначении, — ровным голосом произнёс директор и придвинул к краю стола тонкую папку с документом.

Иван машинально взял лист, пробежал глазами по строкам — и вдруг понял, что дышит слишком поверхностно, точно воздуха стало меньше. «Врио руководителя HR-отдела». С сегодняшнего дня. Новость ударила не как приятный сюрприз, а как холодный поток воды — резко, до мурашек. Он пришёл в компанию всего четыре месяца назад, имея за плечами два года опыта из другого холдинга, и даже в самых смелых мыслях не примерял на себя кресло руководителя. Четыре месяца — это не срок, чтобы метить так высоко. Но теперь перед ним лежал приказ, и подпись Сергея Павловича делала его реальностью.

В голове тут же мелькнуло: Василий Игнатьевич. Перед уходом он успел замолвить за Ивана слово — это было очевидно. И пусть повышение пришло на фоне потрясений, это всё равно был шанс. Огромный, рискованный, но настоящий. И Иван твёрдо решил: он его не упустит.

— Приступай, — голос директора вернул его в кабинет. — Задача — найти эксперта по закупкам в Китае. Та самая, с которой Василий Игнатьевич не справился. Требования к кандидату у тебя есть.

Сергей Павлович посмотрел на него пристально, без снисхождения, но и без враждебности — так смотрят на человека, которого проверяют на прочность.

— Да, мне всё понятно, — кивнул Иван, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало от смеси волнения и азарта. И тут же, не давая себе времени растеряться, уточнил: — Сколько у меня времени?

— Даю две недели, — спокойно, но жёстко ответил директор. — Справишься — останешься на этой должности, уже не как временно исполняющий. Не справишься... — он многозначительно покосился на дверь, и в этом взгляде не было угрозы, а была голая, безжалостная реальность. — Отправишься вслед за Василием Игнатьевичем. У нас миллионные контракты на стадии подписания, эксперт нужен был ещё вчера. Если вопросов нет — свободен.

Иван коротко поблагодарил за доверие — не пафосно, а искренне, потому что в этой жёсткости и правда было доверие: ему дали шанс доказать, что он способен держать удар. Потом поднялся, чувствуя, как ноги стали точно ватными, и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Как только щёлкнул замок, реальность нахлынула разом — тяжёлой, плотной волной. Кровь отлила от лица, а в груди всё сжалось от внезапного понимания: теперь он не просто закрывает вакансии. Теперь он отвечает за отдел. За стажёров, за сроки, за репутацию команды. И за то, чтобы компания не потеряла эти миллионные контракты.

Он остановился в пустом коридоре, на секунду прислонившись лбом к прохладной стене. Где-то вдалеке хлопнула дверь, проехала тележка уборщицы, но для Ивана всё это звучало как фоновый шум, не имеющий значения. Сейчас имело значение только одно: он должен найти этого эксперта. И он его найдёт.

Зоя на секунду оторвала взгляд от монитора — по экрану всё так же бежали строчки китайских иероглифов, точно пытались ускользнуть, если моргнуть чуть дольше. Она вздохнула, потёрла виски и негромко попросила коллегу:

— Можешь поменять бутылку в кулере? А то я уже третий раз на эту кнопку нажимаю, а вода всё не льётся...

— Да, конечно, — отозвался Иван, выходя из того странного оцепенения, в которое его загнала тяжесть нового назначения. Он двинулся к кулеру, чувствуя, как пальцы чуть подрагивают — то ли от напряжения, то ли от того, что реальность наконец начала просачиваться сквозь пелену мыслей.

Зоя медленно пошла следом, точно сама не знала, зачем идёт, — просто не хотелось оставаться одной среди этих бесконечных иероглифов и тревожных писем. На кухне она остановилась у кофемашины, задумчиво постучала пальцем по крышке и вдруг улыбнулась — нешироко, но так, словно пыталась отогнать что-то тяжёлое.

— Кофе? Думаю, это то, что тебе сейчас нужно. Даже не «нужно», а «жизненно необходимо».

— Отличная идея, — согласился Иван, и в этом согласии было не столько про кофе, сколько про короткую паузу, когда можно не быть «врио руководителя», не думать про миллионные контракты и не чувствовать на себе взгляд Сергея Павловича.

Пока машина шипела и щёлкала, они на минуту точно выпали из рабочего вихря. Иван смотрел в окно — небо над Москвой было тяжёлым, свинцовым, словно город уже готовился к удару дождя.

— К вечеру Москва встанет, — негромко заметил он, имея в виду не только пробки, а вообще всё: дороги, нервы, планы. — Такое небо не прощает спешки.

— Разве это ветер? — усмехнулась Зоя, делая первый глоток. — На юг Китая на днях обрушился смерч. Вот это — ветер.

Она поставила чашку, чуть наклонилась вперёд и понизила голос, точно боялась, что стены кабинета подслушают:

— Слушай... Я утром краем уха слышала, что с кандидатами проблема. У моей близкой подруги в Пекине, Сяо Пин, брат как раз инженер по химическому оборудованию. И он сейчас ищет работу. Не знаю, насколько это то, что нужно, но... — она быстро напечатала что-то в телефоне и отправила Ивану сообщение. — Вот номер. Позвони, когда будет время. Может, пригодится.

В этот момент из приёмной донеслась резкая трель — кто-то настойчиво пытался дозвониться, точно зная, что именно сейчас все пытаются выдохнуть. Зоя метнулась к столу, словно этот звонок был личным вызовом, и схватила трубку ещё до второго гудка:

— Приёмная Сергея Павловича, слушаю вас.

Иван негромко сполоснул чашку, задержал ладонь на прохладной керамике, точно хотел удержать эту короткую передышку ещё на пару секунд. Потом, уже медленнее, чем обычно, направился в свой кабинет. По дороге он бросил быстрый взгляд на стол Василия Игнатьевича — тот был непривычно пуст, без папок, без забытой кружки, без той самой ручки с потёртым корпусом, которой бывший руководитель вечно что-то подчёркивал. Всё убрали, словно и не было человека.

Что же здесь произошло? Почему Василий Игнатьевич ушёл — по собственному или его попросили? И главное — знал ли Сергей Павлович уже тогда, кого он готовит на замену? Вопросы теснились в голове, но ни один из них нельзя было задать вслух.

Последние три месяца отдел HR жил в ритме одной-единственной задачи — словно весь мир сжался до строчки «нужен эксперт по закупкам в Китае». Тысячи просмотренных резюме сливались в бесконечную ленту имён и дат, сотни собеседований — в калейдоскоп голосов, акцентов, жестов. Василий Игнатьевич не доверял этому этапу рекрутерам: он лично летал в Китай, чтобы встретиться с финалистами лицом к лицу, заглянуть в глаза, услышать интонации, заметить, как человек реагирует на неудобные вопросы.

В результате остались двое.

Ли Мин — невысокий, даже по китайским меркам, специалист средних лет. Он свободно говорил по-русски — так, точно вырос среди этих слов, а не выучил их по учебнику. Окончил Пекинский университет химической технологии, уверенно ориентировался на рынке: знал основных производителей, легко разбирался в чертежах, мог с ходу назвать слабые места типовых контрактов.

Ван Цай — инженер с десятилетним стажем на химическом заводе. Он знал технологический процесс до мельчайших деталей, словно сам его создавал. Русским владел почти безупречно — часто бывал в России по работе, успевал не только вести переговоры, но и шутить так, что собеседники смеялись, не дожидаясь перевода.

Оба подходили по всем критериям. Прошли все этапы. И вчера должны были состояться финальные видеоконференции с Сергеем Павловичем — те самые, что отделяют «почти наш» от «точно наш».

— Проверь, пожалуйста, не сохранились ли записи финальных собеседований с генеральным. По обоим кандидатам, — попросил Иван стажёра Мишу, стараясь говорить спокойно, словно речь шла о рутинной задаче, а не о попытке собрать рассыпавшуюся картину.

Миша — светловолосый, щуплый паренёк в очках — на секунду замер, точно пытался найти в воздухе нужные слова, а потом развёл руками. В этом жесте было столько беспомощности, что Иван невольно напрягся:

— Иван... Иван Васильевич, — поправился юноша: новость о назначении уже разлетелась по компании, и теперь даже в коротких фразах сквозило новое уважение. — Так не было собеседований. Оба кандидата не подключились к видеоконференции. Я пытался с ними связаться — ни звонки, ни сообщения не дали результата. Генеральный был в бешенстве. А час спустя Зоя принесла заявление Василия Игнатьевича об уходе по собственному...

Каждое слово падало в тишину, и круги от них расходились всё шире. Иван почувствовал, как внутри что-то дрогнуло — не от страха, а от резкого осознания: он теперь не просто участник этой истории, он её рулевой.

Ещё позавчера он лично получил подтверждения от обоих соискателей — короткие, уверенные сообщения, в которых не было и намёка на сомнения. А сегодня — выключенный компьютер предшественника, пустой стол и эта странная, пугающая тишина. Он открыл мессенджер и снова перечитывал те самые фразы, точно надеясь, что между строк проступит объяснение. Но текст оставался прежним: сухим, однозначным, теперь почти издевательски спокойным.

— Я отправил вам список всех соискателей, которые прошли два этапа из трёх, — продолжил Миша, точно боялся, что молчание затянется и станет невыносимым. — Разделил цветом на две группы: зелёным — больше «да», жёлтым — «возможно». Думаю, кто-то из них подойдёт.

Михаил был из тех сотрудников, кто понимает без слов: он не стал сыпать вопросами, не пытался утешать пустыми фразами, а просто протянул руку с тем, что могло помочь. Иван с благодарностью кивнул и нырнул в бесконечные списки, резюме, сводки от службы безопасности — в этот плотный поток данных, где каждая строчка могла стать зацепкой.

Он не заметил, как пролетели четыре часа. Тело затекло, глаза заслезились от мельтешения букв на мониторах, а голова гудела, точно перегруженный сервер. «Всё не то», — пронеслось в голове, и эта мысль прозвучала не как приговор, а как сигнал: нужно искать дальше, глубже, иначе.

Иван собрал разбросанные по столу ручки и бумаги, механически наводя порядок — словно, расставив вещи по местам, он сможет навести порядок и в мыслях.

— Правильные мысли рождаются в порядке, — негромко произнёс Николай Фёдорович, заместитель Сергея Павловича, незаметно появившись в дверном проёме. Иван даже не услышал шагов — только почувствовал лёгкое, почти отеческое прикосновение к плечу. Это простое движение сработало лучше любых ободряющих фраз: точно кто-то невидимый подставил плечо, и земля снова стала твёрдой.

Николай Фёдорович был из тех редких людей, что умеют появляться ровно тогда, когда ты вот-вот готов сорваться в панику. Он не стал сыпать общими словами, а сразу перешёл к делу — задавал точные, цепкие вопросы, словно собирал пазл из разрозненных деталей. Обсудили пропавших кандидатов, разобрали по косточкам каждый этап, дошли до проверки контактов.

— Служба безопасности подключалась? — спокойно уточнил заместитель генерального, чуть наклонив голову.

Иван кивнул, чувствуя, как в голове понемногу выстраивается структура: да, проверяли, да, всё выглядело чисто, да, подтверждения были. Но теперь эти подтверждения казались хрупкими, как тонкий лёд.

— Всё тайное становится явным, — подмигнул Николай Фёдорович, точно знал какой-то секрет, который пока не время раскрывать. — Думаю, кандидаты ещё проявятся. Не исчезают люди просто так — всегда остаётся след.

С этими словами он положил на стол плитку шоколада — не как утешение, а как маленький знак: «Ты не один». И, не дожидаясь ответа, вышел, оставив после себя не тишину, а ощущение опоры.

Иван на секунду замер, потом перевёл взгляд на телефон. На экране мигал индикатор нового сообщения. Сердце ёкнуло — вдруг это Ли Мин или Ван Цай? Но письмо было от Зои: «Сяо Пин ждёт звонка» — и следом шёл номер.

Это был шанс перезагрузиться. Иван глубоко вдохнул, стараясь унять внутренний шум. Суэта — враг, а время уже подгоняло: тик-так, тик-так — точно кто-то специально поставил часы на ускоренный ход.

Он нажал «вызов» и, стараясь звучать уверенно, произнёс единственное китайское слово, которое знал:

— Ни хао. Сяо Пин, удобно вам сейчас разговаривать? Меня зовут Иван, Зоя передала мне ваши контакты. Я с радостью помогу, если это будет в моих силах.

— Добрый день, Иван! — на другом конце провода голос прозвучал так громко и бодро, что Иван невольно отодвинул телефон от уха.

Из разговора быстро стало ясно: Сяо Пин — не просто знакомая Зои, а близкая подруга со времён студенчества. Они жили в одной комнате в общежитии и с тех пор не теряли связи, выручая друг друга даже в мелочах. И теперь Сяо Пин горячо расхваливала брата:

— Сяо Су справится, я уверена! Прошу, поговорите с ним. Он именно тот, кто вам нужен.

Иван едва заметно поморщился. Он слишком хорошо знал этот тон — просьбу, за которой часто прячется не столько реальная квалификация кандидата, сколько надежда близкого человека. В обычной ситуации он бы мягко отказал: «Спасибо, мы сами подберём». Но сейчас каждая минута была на счету, а у него не было права отметить даже такие варианты.

— Да, хорошо, — ответил он, сам удивившись собственной готовности. — Присылайте резюме и контакты, я свяжусь с ним в ближайшее время.

Они быстро обговорили детали: Сяо Пин пообещала прислать резюме завтра утром. Тепло простившись, Иван уже собирался отложить телефон, но экран вспыхнул — новое уведомление.

Сердце снова сбилось с ритма. На этот раз сообщение было от Ли Мина — того самого кандидата, который загадочным образом не явился на финальное собеседование с генеральным. Иван замер, глядя на строчку текста, точно она могла вот-вот измениться. Потом медленно коснулся экрана и открыл сообщение.

Глава 3

ГЛАВА 3

Иван не сразу прочитал сообщение от Ли Мина. Этот кандидат стал точкой, в которой рухнула выстроенная система: из-за срыва финального собеседования Василий Игнатьевич ушёл, и теперь каждое упоминание Ли Мина отдавалось внутри глухим эхом вины и непонимания.

Василий Игнатьевич был не из тех руководителей, кто просто раздаёт поручения и ждёт результата. Он умел превращать рутину в искусство. Ещё в первые недели работы он усадил Ивана рядом с собой и, не глядя на часы, начал разбирать резюме — одно за другим, страницу за страницей.

— Видишь эту строчку? — тыкал он пальцем в середину абзаца. — «Легко адаптируюсь к изменениям». Пустая фраза, её пишут все. А вот здесь, в самом низу, мелким шрифтом: «помогал отцу вести семейный магазин с 14 лет». Вот это — правда. Это про ответственность, про то, что человек не боится грязной работы.

Он учил видеть не факты, а человека: как кандидат расставляет акценты, какие слова выбирает, о чём умалчивает, где ставит запятые, а где — многоточия.

— Только так ты сможешь увидеть человека, не встречаясь с ним лично, — повторял он, словно вбивал эту мысль в самое основание профессии. — То, как он пишет о себе, что выделяет, а о чём умалчивает, — драгоценные части пазла истинной сути кандидата.

Иван тогда кивал, но не до конца понимал, зачем тратить столько времени на сухие строки. А потом случился первый самостоятельный подбор. Он взял резюме, которое Василий Игнатьевич отложил в сторону: «Слишком много общих фраз, смотри глубже». Иван начал «смотреть» — и вдруг заметил: кандидат трижды упомянул слово «точность», дважды — «система», а в графе «хобби» стояло «сбор пазлов и реставрация старых часов». Это был не просто инженер — это был человек, которому физически некомфортно, когда что-то не на своём месте. Иван позвал его на собеседование, и тот, едва сев на стул, первым делом спросил: «А у вас есть регламент по согласованию заявок?» В тот момент Иван впервые почувствовал, как пазл щёлкнул на место.

Именно в этой тесной связке с мудрым наставником он осознал, что HR — это не про закрытие вакансий, а про умение слышать людей даже тогда, когда они молчат. Это про поиск тех, кто не просто впишется в команду, а станет её опорой. И это было не рутинной, а захватывающим приключением — таким, которому он решил посвятить жизнь.

Теперь, глядя на экран с непрочитанным сообщением от Ли Мина, Иван словно снова слышал спокойный голос Василия Игнатьевича: «Не торопись. Сначала подумай, зачем он пишет именно сейчас. Что изменилось? Что он хочет сказать между строк?»

И он не торопился. Сначала глубоко вдохнул, потом медленно прокрутил в голове всю цепочку: подтверждения, срыв, молчание, теперь — сообщение. Ли Мин был частью той самой истории, которая сломала привычный порядок. И если Василий Игнатьевич учил читать между строк, то сейчас нужно было прочитать между событиями.

Сообщение от Ли Мина было коротким, но каждое слово отдавалось внутри тяжёлым эхом: «Простите за срыв. Сбила машина. Сейчас в больнице. Готов пройти собеседование в любое время».

Он замер, перечитывая фразу про «сбила машину». В голове тут же закружились варианты. Да, ДТП — обыденная трагедия, они случаются каждый день, в каждом городе, на каждом перекрёстке. Но в контексте сорванного финального собеседования эта фраза звучала как слишком удобная деталь. Иван невольно вспомнил, как Василий Игнатьевич, разбирая письма кандидатов, всегда морщился от чересчур драматичных оправданий: «Когда человек

хочет произвести впечатление, он добавляет красок. Когда он говорит правду — она простая и сухая».

Иван откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и снова услышал тот самый спокойный, чуть усталый голос наставника: «Не верь первой версии. Проверяй. Сравнивай. Ищи несоответствия».

В этот момент телефон негромко пискнул — ещё одно уведомление. Письмо от Сяо Пин: «Прикрепила резюме брата. Надеюсь, вы дадите ему шанс». Иван открыл вложение. На первой странице — аккуратное фото: мужчина лет двадцати пяти, спокойный взгляд, строгий деловой костюм. Дальше — чёткие формулировки, выверенные строки: опыт на крупном заводе, специализация на химическом оборудовании, проекты с международными подрядчиками.

А в графе «о себе» стояла фраза, от которой Иван едва заметно приподнял бровь: «Люблю, когда процессы прозрачны, а договорённости — зафиксированы».

Он снова мысленно вернулся к урокам Василия Игнатьевича. Прозрачность и фиксация договорённостей — это не просто красивые слова. Это маркер надёжности. Человек, который так пишет, вряд ли исчезнет в последний момент, не оставив следа. Он скорее пришлёт скриншот билета, распишет план действий и уточнит, удобно ли вам будет получить письмо в девять утра.

Не теряя времени, Иван переслал резюме Сяо Су Михаилу с короткой пометкой: «Отправь тестовое задание. Важно не только содержание, но и скорость реакции — нам нужен тот, кто не теряет в дедлайнах».

Параллельно он открыл диалог с Ли Мином и быстро напечатал ответ: «Спасибо за пояснение. Желаю скорейшего выздоровления. Давайте назначим новую дату. И, пожалуйста, пришлите контакты больницы, где вы находитесь на лечении — чтобы мы могли убедиться, что всё в порядке».

Отправив сообщение, Иван на секунду задержал дыхание. Это был не просто вежливый ответ — это была проверка. Тонкая, аккуратная, но обязательная. Та самая, которой его научил наставник. И впервые с момента назначения он почувствовал, что не просто плывёт по течению, пытаясь удержаться на поверхности, а действительно держит штурвал: выбирает направление, распределяет приоритеты, просчитывает риски.

Он открыл своё расписание, быстро пробежал глазами по свободным слотам и, не раздумывая, запланировал звонок с Сяо Су на завтра, на одиннадцать утра. Поставил пометку: «Тестовое задание получено? Готовность к диалогу?» — и добавил ещё одну строчку: «Запросить подтверждение госпитализации у Ли Мина».

Экран погас, но Иван ещё несколько секунд сидел неподвижно, прислушиваясь к себе. Внутри всё ещё гудел адреналин, но к нему примешивалось что-то новое — ощущение собранности. Он не знал, какой из кандидатов окажется тем самым, но теперь точно знал: он не упустит ни одной детали.

День пролетел, словно кто-то незаметно подкрутил скорость времени. Отдел HR работал в привычном ритме: письма уходили в сеть, встречи оседали в календарях, чаты пощёлкивали новыми уведомлениями. Иван методично закрывал вкладки, проверял статусы, ставил галочки напротив выполненных задач — и только плитка шоколада у монитора напоминала, что сегодня было не просто «ещё одно дежурство», а первый день в новой роли.

— Съём завтра, — пробормотал он себе под нос, подцепил плитку и бросил её в лоток для документов, словно откладывал на потом не сладость, а право на маленькую передышку.

Он выключил компьютер, звук щелчка прозвучал как финальный аккорд длинного дня. Быстро подхватил портфель и пиджак — и направился к лифту, чувствуя, как с каждым шагом тяжесть в плечах чуть-чуть становится легче.

— С назначением! — раздался знакомый голос. Стас Михайлович, высокий блондин с той самой походкой человека, который всегда идёт на полшага впереди всех, подмигнул и чуть склонил голову. — Ну как, первый день в должности? Не снёс голову от ответственности?

Стас называл себя «богом продаж» без тени стеснения — и, надо признать, в чём-то был прав: простой парень снаружи, титан переговоров внутри. Он всегда знал чуть больше, чем остальные, и шёл к цели так уверенно, словно ветер специально подстраивался под его шаг.

— Спасибо. В целом неплохо, — сдержанно ответил Иван, стараясь, чтобы в голосе не прозвучала ни усталость, ни тревога.

— Я слышал, кандидаты подвели. Есть кто-то стоящий на примете? — в голосе Стаса по-прежнему звучала непринуждённость, но взгляд стал цепким, словно он считывал не слова, а паузы между ними.

Иван на секунду замер, и в этот миг его рука сама хлопнула по портфелю.

— Ой, — выдохнул он. — Бумаги забыл.

И, не дожидаясь продолжения разговора, резко развернулся и поспешил обратно в кабинет.

В голове тут же всплыла та самая история, которую когда-то рассказала соседка Светлана — лучшая подруга Марины Сергеевны. Доверчивая, старательная Марина, заместитель главбуха, была очарована обходительностью Стаса: он так ловко подсказывал, как подготовить данные, чтобы несоответствия не попали в финальный документ, что она и не заметила, как стала пешкой в чужой игре. А когда начала задавать неудобные вопросы, обаятельный кавалер как бы невзначай намекнул генеральному, что видел её у здания конкурента. Карьера Марины была предрешена в тот же день.

Эта история врезалась в память, и теперь, глядя на пустой кабинет и тёмные окна соседних офисов, Иван особенно остро ощущал: осторожность — не трусость, а инструмент выживания.

Не включая свет, он подошёл к окну, постоял, прислушиваясь к тишине, и дождался, пока лифт внизу коротко звякнет, сообщая, что Стас уехал. Только тогда он снова двинулся к выходу, на этот раз медленнее, словно заново привыкая к тому, что теперь он не просто часть механизма, а тот, кто должен следить, чтобы шестерёнки не цеплялись друг за друга там, где не надо.

Выйдя из здания, Иван на секунду замер у стеклянных дверей, словно сбрасывая с плеч тяжёлый рабочий день. Он глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух и мысленно отодвинул в сторону бесконечную ленту задач, тревожных писем и недоговорённостей — всё то, что ещё минуту назад казалось жизненно важным. Сейчас ему нужно было другое: услышать родной голос.

Он набрал отца. Всего пара гудков — и знакомый, чуть хриловатый голос ответил: «Алло, сынок». Иван прикрыл глаза и просто слушал эти первые секунды, когда ещё не нужно ничего объяснять, не нужно ни о чём просить — достаточно знать, что на том конце провода живой, свой человек. Убедившись, что отец чувствует себя сносно, что боль не мучает, что в голосе нет той пугающей усталости, он выдохнул, словно только сейчас разрешил себе дышать полной грудью.

И поспешил в клинику. По дороге не забыл свернуть в маленький книжный магазин у метро — тот самый, где пахло старой бумагой и кофе, а полки были набиты до отказа. Он сразу нашёл новый детектив: лаконичная обложка, тот самый жанр, который отец всегда выбирал, чтобы «не думать о плохом, а просто разгадывать загадку».

Иван сколько себя помнил, всегда видел, как отец выделял время на чтение — даже в самые загруженные дни. В их доме книга была не просто предметом, а чем-то вроде молчаливого советчика.

«Книга — это лучший способ увидеть мир сотнями глаз авторов, — с азартом воодушевлял мужчину маленького сына, водя пальцем по строчкам. — На все вопросы, которые возникнут у тебя в жизни, ты сможешь найти ответы здесь. Или хотя бы встретить того, кто уже искал эти ответы до тебя».

В памяти Ивана этот образ — улыбающегося, бодрого отца, с книгой в руке, с огоньком в глазах — всплыл так ярко, что на миг показалось: всё будет как раньше. Но тут же картинка сменилась другой — той, что теперь жила в его сознании: осунувшийся мужчина с потухшим взглядом, сидящий на больничной кровати, словно силы медленно вытекали из него вместе с ходом времени.

— Пап, это тебе. Вышла новая книга, — протянул томик Иван, стараясь, чтобы голос звучал бодро, без надрыва.

Василий Петрович взял книгу, провёл ладонью по обложке, словно проверял, настоящая ли она, и вдруг улыбнулся — нешироко, но искренне, так, что морщинки у глаз стали не следами усталости, а отпечатками прожитых лет.

— Вот спасибо, порадовал отца, — негромко сказал он, и в этих словах было столько тепла, что у Ивана комок подкатил к горлу. — Мне врач сказал, что я здесь до понедельника.

— Да, ждём результаты анализов. В понедельник будет ясно... — начал Иван и вдруг осёкся. Фраза повисла в воздухе, слишком хрупкая, чтобы её произносить. В эту минуту хрупкость жизни ощущалась особенно остро: она пряталась в простых вещах — в том, как отец держит книгу, как смотрит на неё, словно это не детектив, а спасательный круг.

— Ты это чего? — тут же заметил тень грусти на лице сына Василий Петрович. Он прищурился, как делал всегда, когда хотел разглядеть то, что Иван пытался скрыть. — Не надо так. Я тут, ты тут. Остальное — разберём.

— Справимся! — Иван решительно похлопал отца по плечу, словно этим движением мог передать ему хоть каплю своей уверенности.

Они обнялись — крепко, по-мужски, без лишних слов. В этом объятии не было ни жалости, ни отчаяния, только простое, надёжное «мы вместе». И когда Иван вышел из палаты, он уже не нёс в себе ту тяжесть, что давила весь день.

По дороге домой он наконец почувствовал, как сильно проголодался: за суетой дня не было ни минуты на обед, а ужин и вовсе вылетел из головы. Организм настойчиво напоминал о себе тихим, но упрямым урчанием, и Иван улыбнулся этой простой, почти детской потребности — съесть тарелку горячего супа, выпить чашку чая и просто посидеть в тишине.

Дома, закрывая глаза перед сном, он уже знал, что сделает завтра. Сначала — звонок Сяо Су ровно в одиннадцать. Потом — проверка подтверждения от Ли Мина и, возможно, видеосозвон с ним. И ещё — он заедет в клинику пораньше, чтобы посидеть с отцом. Пусть это будет не план по спасению мира, а просто тихий, человеческий день, где есть место и работе, и заботе, и надежде.

Утро началось с бодрой зарядки — словно кто-то невидимый подкрутил ручку громкости у нового дня. Иван тянулся, приседал, крутил корпусом, чувствуя, как кровь разгоняется по венам. Привычка к правильным утренним ритуалам сидела в нём прочно — с детства заботливые родители внушали: день надо встречать не сонным комком под одеялом, а человеком, который готов свернуть горы. Ну, или хотя бы успеть на утренний созвон без кофе в дрожащих руках.

Следом — плотный завтрак: яичница с томатами, тост с авокадо, чашка крепкого кофе. Иван только успел выдохнуть «Наконец-то» и сделать первый глоток, как из коридора материализовался Багратион — мастер тонкой психологической манипуляции.

— Мяу, — протянул он, театрально потёрся спиной о ногу Ивана и замер, словно это движение уже само по себе было аргументом в пользу дополнительной порции.

— А у тебя всё в миске, — спокойно парировал Иван, не поддаваясь на провокацию. Он знал эту тактику наизусть: «Я такой голодный, я сейчас просто растаю от слабости», а потом, получив желаемое, кот будет гордо вылизывать лапу, делая вид, что вообще не при делах.

Багратион сел, выпрямился, словно генерал на совете, и начал сверлить хозяина взглядом. Только хвост, ритмично бьющий по полу, выдавал нарастающее возмущение пушистого тирана: тик-так, тик-так — словно отсчитывал секунды до капитуляции человека.

Иван убрал со стола, сполоснул тарелку, протёр столешницу — и всё это под прицельным взглядом кота, который не мигал, словно надеялся, что сила воли у хозяина закончится раньше, чем посуда.

— Будет тебе вечером мусс из аппетитных сардин, — наконец произнёс Иван, оценив выдержку питомца.

В тот же миг Багратион словно получил разряд бодрости. Он вскочил, закружился, начал тереться о ноги Ивана, потом метнулся к заветному шкафчику и устоялся на дверцу, словно мог силой мысли её открыть. В его глазах читалось: «Сардины. Сейчас. Немедленно. Это вопрос выживания».

— Вечером, — твёрдо повторил Иван, погладив чёрную, ухоженную шёрстку. — Переживание ничем хорошим не кончится. Ты у меня должен быть стройным, грозным и элегантным, а не котом-шаром, который не влезает в дверной проём.

Багратион на миг замер, словно переваривал эту философию, потом фыркнул, развернулся и величественно удалился в комнату — но не без оглядки: мол, я ушёл, но я всё помню, и вечером ты за это ответишь.

Иван улыбнулся, накинул пиджак, подхватил портфель и вышел из квартиры, чувствуя, что даже если день подкинет десяток проблем, у него есть надёжный тыл: кот, который всегда напомним, что в жизни есть вещи поважнее дедлайнов — например, сардиновый мусс ровно в назначенное время.

Включив компьютер, Иван буквально утонул в сообщениях — они сыпались, как монеты из прорвавшегося мешка: уведомления, письма, чаты, срочные пометки в CRM. Телефон разрывался, словно хотел напомнить, что мир не ждёт, пока он соберётся с мыслями. На срочные ответы и сортировку ушёл целый час. Часть задач мужчина перенаправил Михаилу и Ольге — и не просто так, а с облегчением. За последние недели стажёры заметно выросли: они уже не просто копировали шаблоны, а научились грамотно оценивать резюме и делать первичный анализ кандидатов, подмечая детали, которые раньше ускользали даже от опытных рекрутеров.

— Иван Васильевич, — окликнул его Миша, и в голосе стажёра звучало то самое напряжение, когда хочется поделиться чем-то важным и боишься, что тебя не услышат. — Сяо Су — он нам подходит.

— Сяо Су? — переспросил Иван, выныривая из водоворота мыслей, где одновременно крутились Ли Мин, больница, подтверждение, дедлайны и миллионные контракты.

— Кандидат, резюме которого вы мне вчера переслали, — пояснил Миша и тут же обернулся к своему монитору. Щёлкнув мышкой, он открыл пересланное письмо от руководителя, словно хотел подкрепить слова документальным свидетельством. — Это брат Сяо Пин.

Иван кивнул, вспомнив вчерашний разговор с подругой Зои — тот самый, где голос на другом конце провода звучал так громко и бодро, что пришлось отодвинуть телефон от уха.

— Он с отличием окончил Университет науки и технологий, — продолжил Миша, уже не читая, а словно рассказывая наизусть. — Это один из престижных университетов в Китае. Кроме этого, Сяо Су участвовал в проектировании оборудования для химического производства. Полтора года проработал в компании Nanjing Haoyang Chemical Equipment.

— Это же один из ведущих производителей в стране! — воскликнул Иван, и в груди что-то дрогнуло — то ли предвкушение, то ли страх поверить в слишком хорошую новость.

— Да, он лучший кандидат по характеристикам, — кивнул Миша, а в глазах у него горел азарт, какой бывает у человека, который нашёл редкую деталь в огромном механизме и теперь хочет доказать, что она идеально встанет на своё место. — Я уже связался с Сяо Су и направил ему тестовое задание, на выполнение которого мы даём три часа. Так, представляете, — он чуть подался вперёд, словно боялся, что Иван не поверит, — я отправил ему задание в девять. В девять сорок он уже прислал ответ. Ни единой ошибки. Это рекорд.

Восторг стажёра был заразителен, и на миг Иван позволил себе поверить, что удача наконец повернулась к ним лицом. Но тут же мелькнула привычная, въевшаяся в подкорку мысль: «Слишком хорош, чтобы быть правдой». И следом — голос Василия Игнатьевича: «Когда всё слишком гладко, ищи, где прячется шероховатость».

— Отлично. Он подтвердил встречу на одиннадцать? — Иван сверился с расписанием на экране, словно цифры и время могли подтвердить реальность происходящего. Он понимал, что сейчас нужно действовать оперативно — каждая минута тянулась и одновременно исчезала.

Михаил утвердительно кивнул:

— Подтвердил. И даже написал: «Готов к обсуждению. Если есть дополнительные вводные — присылайте, я проработаю». Без лишней вежливости, но очень по делу.

Без пяти одиннадцать Иван уже был в переговорной — не потому, что боялся опоздать, а потому, что хотел успеть на миг выдохнуть, собраться и включить камеру с тем самым выражением лица, которое говорит: «Я здесь, я слушаю, и я знаю, чего хочу».

На экране появилось лицо Сяо Су — спокойное, собранное, без лишних эмоций. Он сидел в светлом помещении, за спиной виднелись стеллажи с чертежами и полки с техническими справочниками. Никаких отвлекающих деталей — только работа.

— Здравствуйте, Сяо Су, — начал Иван, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без излишнего напряжения. — Спасибо, что нашли время.

— Здравствуйте, Иван Васильевич, — спокойно ответил кандидат, чуть наклонив голову. — Готов к обсуждению.

— Видел ваш ответ на тестовое задание, — продолжил Иван. — Впечатляет. Скорость и точность — редкое сочетание.

Сяо Су едва заметно кивнул, словно принимал комплимент не как похвалу, а как констатацию факта:

— У меня есть правило: если задача поставлена, её нужно решить. Не откладывать, не растягивать. Иначе теряется фокус.

Иван чуть приподнял бровь. Эта фраза прозвучала не как заученная мантра, а как принцип, по которому человек живёт.

— Вы полтора года проработали в Nanjing Haoyang, — перешёл он к сути. — Расскажите, пожалуйста, какой проект был для вас самым сложным и почему. Не про технические детали, а про то, что заставило вас выйти из зоны комфорта.

Сяо Су на секунду задумался — не для вида, а словно действительно перебирал в памяти варианты, выбирая самый честный.

— Был проект по модернизации линии для агрессивной среды, — начал он. — Заказчик хотел ускорить процесс, но мы понимали: если изменить параметры без учёта коррозии, линия выйдет из строя через полгода. Я настоял на дополнительном анализе, хотя сроки горели. В итоге мы задержали запуск на три недели, но сэкономили заказчику миллионы на ремонте. Это было непросто — объяснять, почему мы не можем сделать быстрее.

Иван слушал, не перебивая. В этом рассказе не было самолюбования, не было попыток выставить себя героем. Была простая логика: лучше потерять три недели сейчас, чем миллионы потом. Именно это и ценил Василий Игнатьевич — умение видеть последствия.

— А если бы заказчик настаивал на ускорении? — спросил Иван, проверяя, как кандидат реагирует на давление.

— Я бы предложил компромиссный вариант: запустить пилотную линию на сниженной мощности, чтобы собрать данные. Это дало бы время на доработку без полной остановки проекта. Но я бы не стал менять параметры, если это противоречит безопасности и долговечности оборудования.

В переговорной повисла короткая пауза. Иван мысленно поставил галочку: кандидат не ищет лёгких путей, но и не упирается слепо в правила — он ищет баланс.

— Хорошо, — кивнул Иван. — У нас сейчас на стадии подписания несколько крупных контрактов. Нам нужен человек, который сможет не только разбираться в оборудовании, но и вести переговоры с поставщиками, держать сроки и видеть риски. Как вы относитесь к работе в кросс-культурной команде?

— Нормально, — спокойно ответил Сяо Су. — В моей прошлой команде были инженеры из Кореи, Индии и России. Главное — чёткие роли и понятные критерии успеха. Тогда язык и культурные различия не мешают.

Иван улыбнулся — нешироко, но так, словно внутри что-то встало на место.

— Спасибо за честность, — произнёс он. — Мы вернёмся к вам в течение двух дней с финальным предложением. Но хочу сразу сказать: вы — один из самых сильных кандидатов, с которыми мы работали за последнее время.

— Благодарю, — кивнул Сяо Су. — Буду ждать вашего решения.

Экран погас, и Иван остался в тишине переговорной. Он посидел ещё минуту, прислушиваясь к себе. Тревога никуда не исчезла, но теперь она была не панической, а рабочей — такой, которая помогает не расслабляться.

Он вернулся в кабинет, где Михаил уже ждал с горящими глазами.

— Ну как? — не выдержал стажёр.

— Сильный кандидат, — кивнул Иван. — Очень сильный. Но мы не будем торопиться. Попроси службу безопасности проверить его последние проекты — не ради подозрений, а ради уверенности. И запроси рекомендации с двух последних мест работы.

Миша кивнул, уже открывая нужные вкладки.

— И ещё, — добавил Иван, чуть понизив голос, словно сам себе напоминал правило. — Пусть кто-нибудь из команды свяжется с Nanjing Naoyang. Не напрямую по кандидату, а через отраслевые контакты, привлекай службу безопасности — просто чтобы понять, какой репутацией пользуется их отдел проектирования. Иногда самое важное говорят не о человеке, а о месте, где он работал.

Пока Михаил записывал задачи, Иван снова подумал о фразе Сяо Су: «Лучше потерять три недели сейчас, чем миллионы потом». В ней было что-то, что отзывалось в нём самом — и в уроках Василия Игнатьевича, и в том, как он теперь видел свою работу.

Он открыл календарь и поставил напоминание: «Через два дня — финальное решение по Сяо Су». А потом, уже спокойнее, начал разбирать оставшиеся письма. Работа по-прежнему требовала внимания, но теперь у Ивана было ощущение, что он не просто плывёт по течению — он наконец нашёл ориентир.

В кабинет заглянул Роман Вадимович — словно солнце на миг заглянуло в пасмурный офис: сразу стало светлее и как-то уютнее. Директор по маркетингу, тот самый, кого Иван когда-то уговорил пройти собеседование.

— Ну что, повелитель человеческих ресурсов, не утонул ещё в море резюме? — с порога выдал Роман, прислонившись к косяку с видом человека, который точно знает: если мир и рухнет, то не сегодня. — Или уже придумал новый критерий отбора: «Кандидат должен уметь писать резюме левой рукой, пока правой ведёт переговоры?»

Иван рассмеялся, откинувшись на спинку кресла, словно этот короткий всплеск юмора снял пару килограммов напряжения с плеч.

— Почти, — хмыкнул он. — Сейчас мой главный критерий: «Если говорит 'вдохновение' — сразу в стоп-лист».

Роман театрально схватился за сердце:

— Жестоко! Но справедливо. Слушай, я тут как раз вспомнил идеальный диалог про вашу HR-рутину:

HR: «Нам нужен человек с опытом работы 3 года, который готов начать сегодня и работать за идею».

Кандидат: «Я как раз такой!»

HR: «А резюме где?»

Кандидат: «В процессе вдохновения...»

— И самое страшное, — подхватил Иван, — что этот кандидат ещё и смотрит на тебя с такой искренностью, словно ты просто не понимаешь масштаба его гениальности.

— Ага, — кивнул Роман, — словно вдохновение — это такая штука, которую можно предъявить вместо трудовой книжки. «Вот, смотрите, у меня очень сильное вдохновение. Оно даже светится в темноте».

Они оба рассмеялись, и этот смех был как глоток свежего воздуха посреди бесконечных согласований, дедлайнов и тревожных писем.

Роман прошёл в кабинет и поставил на стол небольшую коробочку, перевязанную простой бечёвкой. В его движениях всё ещё чувствовалась эта лёгкая неловкость — он не привык благодарить вслух, но умел делать это по-своему.

— Это тебе, — сказал он, чуть смущённо. — Спасибо за тот плёночный фотоаппарат. Я его не просто починил — я с ним снова начал видеть мир по-другому. Вот, напечатал для тебя пару кадров.

Иван развязал бечёвку и достал три фотографии. На первой — он сам, в коридоре, с папкой в руках, словно на миг замер между двумя мирами: «надо» и «хочу». На второй — окно в переговорной, залитое закатным светом, а на третьей — пустой стул и чашка остывшего кофе, от которой почему-то становилось тепло.

— Спасибо, — негромко сказал Иван, чувствуя, как внутри что-то тихо щёлкает на место. — Это... очень по-человечески.

— Пожалуйста, — пожал плечами Роман, снова становясь тем самым ироничным маркетологом, который не любит сантиментов. — Но, если будешь дальше так спасать отдел от сомнительных талантов, я готов ещё стопку фото напечатать. Или даже устроить выставку: «Кандидаты, которые обещали всё и сразу».

— С удовольствием, — улыбнулся Иван. — Только давай без имён и фото в профиль. А то вдруг кто-то узнает себя и обидится.

— Тогда сделаем абстрактные инсталляции из пустых папок и мигающих курсоров, — подмигнул Роман. — «Ожидание резюме. Инсталляция в трёх частях».

Он уже собирался выйти, но на пороге обернулся:

— И знаешь, если вдруг этот твой идеальный кандидат появится — тот, у которого и опыт, и резюме, и вдохновение в одном флаконе, — дай мне знать. Мне как раз нужен человек, который умеет продавать идею так, чтобы клиент сам просил счёт.

— Договорились, — кивнул Иван. — Как только найду такого, сразу к тебе. А пока... буду дальше фильтровать «вдохновение».

Когда дверь за Романом закрылась, Иван ещё немного посидел, глядя на фотографии. Потом аккуратно убрал их в ящик стола — не на самое видное место, но туда, куда можно заглянуть, когда день становится слишком тяжёлым. И снова вернулся к документу, но теперь уже с ощущением, что он не один в этом потоке задач, оправданий и надежд. Где-то рядом есть человек, который шутит про HR-рутину, приносит фото и напоминает: даже в самой серьёзной работе есть место живому разговору.

Иван предложил Ли Мину созвониться сейчас — и уже через минуту получил ответ. Молниеносный, словно кандидат сидел с телефоном в руке и только этого и ждал. В этом быстром «Да, конечно, я буду готов» чувствовалась не просто готовность, а отчаянное желание всё исправить.

Ли Мин явно переживал из-за срыва финального собеседования — и теперь был настроен решительно, как человек, которому выпал второй шанс и который не собирался его упускать. Иван не стал тянуть: за пять минут он уже был в переговорной, щёлкал кнопками, настраивал камеру и проверял звук. Всё внутри сжималось от смеси напряжения и облегчения: если история с аварией подтвердится, это снимет часть давления, но не отменит ответственности.

— Здравствуйте, Иван! — голос Ли Мина прозвучал бодро, почти по-деловому, но улыбка вышла натянутой, словно он сам себе приказывал держаться уверенно.

На экране появился мужчина с перебинтованной головой; рядом мелькнула медсестра, за спиной виднелась стойка с капельницей — больничная реальность не пыталась притворяться чем-то другим.

— Здравствуйте, Ли Мин! Что с вами случилось? — спросил Иван с неподдельным беспокойством, одновременно включая запись видеозвонка. «Сергею Павловичу понадобятся доказательства», — коротко мелькнуло в голове, но это была не циничная мысль, а холодный расчёт: в их компании слова без подтверждения не стоили ничего.

— Мне очень жаль, — начал Ли Мин, и в его голосе не было заготовленной интонации, только тяжесть, которую не спрячешь. — В день собеседования меня сбила машина. Очнулся я только вчера. Как только врачи разрешили взять телефон, я сразу связался с Василием Игнатьевичем. Он мне всё рассказал... — мужчина на секунду запнулся, опустил плечи, и эта пауза сказала больше любых оправданий. — Мне так жаль! Я понимаю, сколько проблем создал.

По его лицу, по тому, как он нервно поправил одеяло, по чуть дрожащим пальцам было видно: он действительно переживает. Не играет, не подбирает слова, а просто пытается удержать равновесие между виной и надеждой.

— То, что произошло, уже не воротишь, — спокойно ответил Иван, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало ни упрёка, ни фальшивого сочувствия. — Это несчастный случай, вы не виноваты. Как вы себя чувствуете? Что говорят врачи?

Ли Мин чуть повернул руку, показывая в камеру загипсованную конечность:

— Можно сказать, что отделался. Перелом руки и сотрясение мозга. Врач говорит, что на следующей неделе меня выпишут.

Иван невольно выдохнул — не от радости, а от того, что картина начала складываться. Это была не отговорка, не попытка выкрутиться, а настоящая беда, которая просто случилась не вовремя.

— Рад, что прогнозы обнадеживающие, — он улыбнулся, на этот раз искренне. — Сейчас главное — здоровье. Когда всё прояснилось, я согласую новую дату встречи с Сергеем Павловичем и сразу вам сообщу. Нам важно не терять темп, но и давить на вас сейчас не будем.

Они обсудили детали: сроки, формат возможного собеседования, когда Ли Мин сможет снова полноценно работать. Договорились связаться через пару дней, когда врачи дадут более точные прогнозы.

Закончив разговор, Иван ещё несколько секунд посидел перед погасшим экраном, прислушиваясь к себе. Внутри всё ещё гудел адреналин, но теперь к нему примешивалось другое чувство — не облегчение, а собранность. Он сохранил запись в отдельную папку, подписал: «Ли Мин — подтверждение обстоятельств», и на миг задержал курсор над кнопкой «Отправить Сергею Павловичу». Пока рано. Сначала нужно проверить факты: запросить выписку из больницы, уточнить детали у службы безопасности. Василий Игнатьевич всегда говорил: «Доверие — это не когда ты сразу веришь, а когда ты даёшь человеку шанс и одновременно страхуешь команду от рисков».

Молодой руководитель откинулся на спинку кресла и медленно выдохнул. Да, это были весомые аргументы для Сергея Павловича. Но даже если директор примет объяснение, задача не исчезнет: эксперт по закупкам в Китае всё ещё нужен, и сроки никто не отменял.

Иван возвращался в кабинет, рассеянно поправляя узел галстука — словно этот маленький жест мог вернуть ощущение контроля над днём, который то и дело норовил выскользнуть из рук. Коридор был привычно тих, только где-то вдалеке щёлкали клавиши да шуршали бумаги — офис жил своей размеренной жизнью, не подозревая, сколько невидимых штормов сейчас бушует в головах сотрудников.

И тут из боковой двери, словно материализовавшись из полумрака коридора, вышел Николай Фёдорович. Его появление всегда было немного театральным — не нарочно, а просто из-за той спокойной уверенности, с которой он двигался: ни спешки, ни суеты, только твёрдое знание, куда и зачем он идёт.

— Вижу, дела движутся. Рад за тебя, — коротко, но тепло произнёс заместитель директора и крепко пожал Ивану руку. В этом рукопожатии не было ничего показного — только поддержка, которую не нужно озвучивать словами.

Иван улыбнулся, чувствуя, как от этого простого жеста внутри чуть-чуть расправляются плечи. Он в двух словах рассказал о последних событиях: о Ли Мине, о больнице, о записи разговора, о том, как пазл начал складываться, пусть и из тяжёлых деталей. Николай Фёдорович слушал, чуть наклонив голову, не перебивая, не подгоняя — так слушают те, кто понимает: иногда человеку важно просто проговорить вслух то, что давит на грудь.

— Хорошо, что не торопишься с выводами, — заметил он, когда Иван замолчал. — В нашей работе поспешность — худший советчик. Держи меня в курсе. Если понадобится разговор с Сергеем Павловичем — дай знать, я подстрахую.

Он ещё раз коротко кивнул, словно запечатывая обещание, и двинулся дальше по коридору, оставляя после себя ощущение опоры — такое, какое бывает, когда знаешь: ты не один на этом хрупком мостике между «надо» и «возможно».

Иван постоял ещё пару секунд, впитывая эту тишину, и уже собирался свернуть к своему кабинету, как вдруг в кармане резко завибрировал телефон. Звук показался почти чужим — слишком резким для этого приглушённого пространства. На экране высветилось: «Ван Цай».

Второй кандидат. Тот самый, который пропал без следа, без драматичных оправданий, без сообщений, без следов. И вот теперь он звонит сам — в тот самый момент, когда Иван уже начал думать, что эта линия окончательно оборвалась.

Сердце на миг сбилось с ритма. Не от страха, а от странного предчувствия — словно сейчас откроется дверь, за которой прячется что-то важное. Иван глубоко вдохнул, отгоняя лишние мысли, и нажал «принять».

Глава 4

ГЛАВА 4

— Алло, Ван Цай? — голос Ивана прозвучал ровно, точно он годами тренировался скрывать напряжение. А внутри всё натянулось, готовое лопнуть от первого резкого звука.

— Иван, здравствуйте, — отозвался Ван Цай. Его тон был до странности спокойным, почти будничным — словно они расстались вчера за чашкой кофе, а не в подвешенном состоянии, когда от одного слова зависели контракты и карьеры. — Простите, что пропал. Были... обстоятельства. Сейчас я готов продолжить диалог.

В этой сдержанности не было ни драматизма, ни попыток оправдаться — просто констатация факта и готовность двигаться дальше. И именно это казалось самым загадочным. «Были обстоятельства». Какие? Почему ни звонка, ни сообщения? И главное — почему именно сейчас, когда всё уже начали считать потерянным?

— Рад, что вы на связи, — сдержанно ответил Иван, старательно пряча за вежливой интонацией вихрь вопросов, крутившихся в мыслях. — Расскажите подробнее, что произошло. Нам важно понимать картину целиком.

На том конце повисла короткая пауза — не от растерянности, а словно Ван Цай подбирал не красивые слова, а самые точные, чтобы не добавить ни слова лишнего.

— Я всё уже написал Василию Игнатьевичу, — неожиданно резко произнёс он, словно сбрасывая с плеч тяжёлый груз. — Он подтвердил, что собеседование с Сергеем Павловичем можно перенести на следующую неделю.

Иван замер. Эти слова ударили по самому уязвимому месту — по той точке, где сходились все нестыковки. «Предупреждал Василия Игнатьевича. Перенос собеседования». Это звучало не как бытовая неурядица, а как фрагмент чужой, тщательно скрываемой истории. И в то же время в голосе Ван Цая не было ни обиды, ни злости — только готовность доказать свою надёжность.

— Спасибо за честность, — медленно произнёс Иван, подбирая слова так, чтобы каждое могло стать либо мостом, либо преградой. — А вы можете прислать переписку с Василием Игнатьевичем? Это бы многое объяснило.

— Не вопрос, — коротко хмыкнул Ван Цай, и через пару секунд телефон негромко пискнул: на экран пришёл скриншот из WeChat — китайского мессенджера, который всё чаще мелькал в рабочих чатах.

Иван всмотрелся в переписку. Даты совпадали. Аккаунт Василия Игнатьевича был настоящим — тот самый, по которому наставник раньше скидывал ему короткие заметки и ссылки на статьи. Каждое слово в сообщениях было предельно деловым, без лишних эмоций: «Обстоятельства не позволяют подключиться. Прошу перенести на следующую неделю», — писал Ван Цай. А следом шло подтверждение на перенос — в том самом сдержанном, лаконичном тоне, который Иван столько раз видел в чатах с Василием Игнатьевичем.

Но именно эта узнаваемость и сбивала с толку. Как такое мог допустить наставник — человек, для которого любая нестыковка была сигналом тревоги? Почему не предупредил команду? Не оставил хотя бы короткую пометку в CRM? В сознании Ивана не укладывался этот разрыв между тем, каким он знал Василия Игнатьевича, и тем, что сейчас лежало у него на экране.

— Я согласую новую дату встречи с руководством и сразу вам сообщу, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Понимаю, — спокойно ответил Ван Цай. — Ещё раз прошу прощения за доставленные неудобства.

Они попрощались, и Иван медленно опустил телефон, глядя на погасший экран, точно там ещё могла проявиться какая-то скрытая подсказка. В мыслях крутились обрывки: Ли Мин с аварией, Ван Цай с «обстоятельствами», больничные, документы, проверки. Всё это складывалось в картину, где за каждым оправданием пряталась своя правда, и его задача была не просто поверить или не поверить, а увидеть, где эта правда стыкуется с интересами компании.

Он вернулся в кабинет, сел за стол и открыл новый документ. Заголовок был простым: «Кандидаты: факты и подтверждения». Первым пунктом он аккуратно вписал: «Ван Цай — ожидаю подтверждение от СБ прошлой компании». Потом добавил вторую строку: «Запросить у СБ детали по переписке от имени Василия Игнатьевича — почему не зафиксирована в системе».

Иван несколько минут смотрел на телефон с контактом «Василий Игнатьевич», затем, сглотнув, нажал «вызов». Гудки тянулись долго, словно линия сопротивлялась, не хотела соединять.

— Иван? — голос Василия Игнатьевича прозвучал ровно, без удивления, точно он заранее знал, что этот звонок неизбежен. — Что-то случилось?

— Да... То есть нет, — Иван запнулся, пытаясь собрать слова в правильный порядок. — Простите, что беспокою. Просто сейчас в переписке всплыло кое-что, и мне нужно прояснить один момент. Очень деликатный.

— Говори прямо. У меня сейчас не так много времени.

Иван сжал пальцами край стола, словно опора могла придать голосу твёрдости.

— В истории переписки есть подтверждение переноса финального собеседования с Ван Цаем. Оно отправлено с вашего аккаунта. Стиль — ваш, лаконичный, без лишних слов. И дата... она совпадает с тем днём, когда должно было состояться собеседование. Я должен спросить: это правда? Вы действительно подтверждали перенос?

На том конце повисла пауза — не неловкая, а такая, словно Василий Игнатьевич мысленно прокручивал события того дня, проверяя каждую строчку.

— Нет, — произнёс он наконец, и в этом коротком слове не было ни возмущения, ни обиды — только твёрдая уверенность. — Я не получал никаких сообщений от Ван Цая. Наоборот, я сам пытался с ним и с Ли Мином связаться. Звонил, писал в мессенджер, даже на почту отправлял. Никто не отвечал.

У Ивана внутри что-то щёлкнуло — как фрагмент, который наконец обрёл смысл.

— Значит, это не вы... — негромко выдохнул он. — Кто-то использовал ваш аккаунт. Подделал стиль, чтобы никто не заметил.

— Похоже на то, — сухо согласился Василий Игнатьевич. — А ты уверен, что это не ошибка системы? Не какой-нибудь сбой синхронизации?

— Уверен. Это не сбой. Это сделано специально.

Ещё одна пауза, чуть длиннее. Иван почти слышал, как бывший руководитель взвешивает каждое слово, прежде чем его произнести.

— Тогда берегись, Иван, — неожиданно тихо сказал Василий Игнатьевич, и в голосе впервые проскользнуло что-то личное. — Если кто-то так точно копирует чужой стиль, значит, он давно наблюдает. За тобой, за мной, за всеми, кто может встать у него на пути.

Иван хотел было спросить, не знает ли Василий Игнатьевич, кто мог стоять за этим, но слова застряли в горле. Вместо этого он решился на другой вопрос — тот, который мучил его с самого дня увольнения наставника:

— Простите, что лезу не в своё дело... Но почему вы ушли? Тогда всё произошло так быстро, почти без объяснений.

Василий Игнатьевич помолчал. В этой тишине слышался не отказ отвечать, а тяжесть выбора — сказать или промолчать.

— Так было нужно, — повторил он тем же сдержанным тоном, каким говорил всегда, когда не хотел вдаваться в детали. — Не потому, что я устал или перегорел. Просто... в какой-то момент ты понимаешь, что оставаться на месте — значит мешать тем, кто должен двигаться дальше. А иногда — просто не давать им сгореть.

Иван не стал давить, не стал просить расшифровать эту фразу. Он понял главное: Василий Игнатьевич ушёл не потому, что сдался. Он ушёл, чтобы освободить место для чего-то большего — или чтобы защитить кого-то, не называя имён.

— Спасибо, что сказали, — негромко произнёс Иван. — Хотя это и не всё, но мне важно было услышать.

— Не за что, — ответил Василий Игнатьевич уже чуть отстранённое, возвращаясь в привычный деловой тон. — Главное, не пытайся разобраться в одиночку. Если видишь схему — пусть её проверяют те, кто умеет распутывать такие узлы. У тебя сейчас и так хватает ответственности на плечах.

— Я как раз собираюсь передать всё службе безопасности.

— Хорошо, — в голосе бывшего руководителя прозвучало едва заметное облегчение. — У тебя получится, — твёрдо произнёс Василий Игнатьевич. — Ты умеешь видеть то, что спрятано между строк. Главное — не позволяй этим строкам тебя запутать.

Он помолчал ещё секунду, словно хотел добавить что-то ещё, но потом сдержался.

— Удачи, Иван. Береги себя.

И прежде, чем Иван успел ещё что-то сказать, в трубке щёлкнуло — связь оборвалась. Иван медленно опустил телефон, глядя на погасший экран. В груди всё ещё гудело от напряжения, но теперь к нему примешивалось другое чувство — не одиночество, а чувство локтя. Даже если Василий Игнатьевич теперь по другую сторону этой истории, его голос, его слова, его спокойная уверенность всё ещё служили опорой.

Иван глубоко вдохнул, выпрямился и снова открыл папку с документами. Теперь у него была не просто цепочка фактов — у него было подтверждение от человека, чей авторитет в компании никто не ставил под сомнение. И этого было достаточно, чтобы двигаться дальше.

День ещё не закончился, но уже сейчас Иван понимал: он больше не просто закрывает вакансию. Он собирает мозаику из чужих историй, чужих обстоятельств и чужих слов — и от того, насколько точно он подберёт каждую деталь, зависит не только судьба отдела, но и репутация всей команды. А ещё — его собственное право доверять своим решениям.